

Колесникова А.В.

*Новосибирский государственный аграрный университет,
Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск*

О СООТНОШЕНИИ ВЕРЫ И РАЗУМА БЕЗ ЛОГИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА

Философия, религия и наука, будучи генетически и этимологически глубоко родственными явлениями, тем не менее, имеют давнюю традицию противопоставления (и сопоставления, конечно, просто данная тенденция гораздо менее болезненна как предмет дискуссии). Обозначенная традиция восходит к проблеме соотношения *веры и разума* (здесь и далее курсив мой – А.К.) в Средневековой философии. Именно в результате этой безобидной, на первый взгляд, логической операции, в европейской мысли происходит сначала возвышение веры над разумом (философия – служанка богословия), потом уравнение разума и веры в правах, как неких гносеологических констант, а после – разум, обернувшийся научной рациональностью начинает (и продолжает сегодня) претендовать на монополию не только в интеллектуальной сфере.

Со времён Аристотеля и Аквината интеллект руководим логикой, принципы которой, видимо, *предсуществуют* в душе, но без интеллекта не могут найти окончательного оформления. Философия и теология, согласно Аквинату, две системы знания, в основании которых - первые принципы логики, из которых посредством силлогистических рассуждений выводятся умозаключения. Но догматы и принципы естественного разума, в построениях великого схоласта предстают как независимые по отношению друг к другу, с той лишь разницей, что теология расположена выше в картине гносеологической иерархии, а философия имеет логически-прикладное предназначение. Но подобная независимость не является самодостаточностью, как покажет дальнейшее развитие философии и науки. Теология относительно философии и науки вполне может выступать как самодостаточное знание, но лишается в этом случае, способа влияния в академической среде и просто на интеллектуалов. Вспомним, что наставниками Галилея, Декарта, Вольтера, Дидро и других деятелей Просвещения были иезуиты.

Однако всегда, не смотря на победившую, для европейцев, секуляризацию, были и остаются мыслители, ощущающие неполноценность данного гносеологического подхода и всех вытекающих из него методов. И, чаще всего, жизнь таких философов была гораздо менее проста, а порой и трагична, чем, например, у позитивистов или аналитиков. А

восприятие их учений всегда сопряжено с мучительным *pro et contra*, без которого, увы, философия превращается в методологическую услугу (Шеллинг, И.А. Киреевский, А.С. Хомяков, В.С. Соловьев и др). Конечно речь идет о *pro et contra* онтологического порядка. Поэтому проблема соотношения веры и разума всегда связана с вопросом о *свободе воли в стремлении к Истине*, и с проблемой противопоставления экзистенциальной воли бытию.

Разделение, являющееся логической операцией, может быть полезно для простоты (!) познания, но безусловно губительно для самого бытия, ведь влечет разобщение познания и бытия (самого знания и мира в целом). Не случайно, начавшись в Античности с онтологического вопрошания, философия в Новое время открывается гносеологической проблематикой (не бытийной!) и данная тенденция сохраняется до самого конца академизма.

В построениях Аристотеля католическому миру открылось иное видение бытия, в котором было *всё* (с точки зрения естественного разума), кроме Откровения. Но это *всё* было так логично, гармонично и доказательно, что Аквинат, со своей стороны, просто уступил этому знанию (философии) всё то, что постигаемо естественным разумом, и признал этот *lumen naturale rationis* достаточным для понимания мира. Откровение в схоластике стало лишь дополнять то, что открывается человеку через *lumen naturale rationis* — *Gratio non tollit naturam sed perficit* («Благодать природу не уничтожает, а совершенствует»).

Так возникло новое учение о самодостаточности *естественного разума* в познании мира и человека, и появился западноевропейский гносеологический дуализм – отделение чисто философских концепций от богословия (Альберт Великий, Аквинат). Но, возвышая Откровение над естественным разумом, Аквинат, в то же время рассёк единую целостность познавательного процесса. Постепенно в томизме появилась мысль о невозможности христианской философии, что впоследствии позволило представителям сциентизма значительно сузить предназначение философии вообще.

По Аристотелю, *подлинное познание* возможно лишь как познание неизменных предметов. Невозможно истинно познать то, что пребывает в становлении. Но в становлении пребывает всё, что несовершенно. Значит, для удобства и возможности мышления, необходимо допустить некую статичность познаваемого. Истина в этом случае будет всегда относительной. Абсолютная истина – познание Разума (Бога). Высший Разум, не нуждается ни в чем и мыслит самого себя. Первооснова бытия неизменна, и всякая противоречивость – свидетельство несовершенства, а значит не может быть совершенным познание несовершенного.

Научные открытия Нового времени основаны на метафизике и пантеизме. В классическом естествознании (Галилей, Ньютон) сложилось вполне определенное представление о науке как способе получения окончательного (истинного) знания о мире. Причем истинность

означала, прежде всего, логическую непротиворечивость. Основоположник новоевропейского рационализма Декарт, будучи каузальным логическим детерминистом, разделил (для удобства логических операций) бытие на мыслящую и протяженную субстанции, способствуя дальнейшему отдалению материи от Духа в философских построениях. Интересно, что понимая творческий характер мышления и ставя его выше эмпирии, Декарт, тем не менее стремился направить (а по сути связать) сам процесс мышления по *правильному* пути, обуздывая его некими особыми законами. Мир в этом случае предстаёт как некогда заведенный Богом часовой механизм. Противоречивость постигаемой реальности совершенным для рационализма способом оформилась в диалектических построениях Гегеля, обернувшись тотальным панлогизмом.

Что происходит потом? – Парад иррациональных по притязаниям (но рациональных по способу) экзистенциальных концепций, в которых заброшенность и отчужденность в их светском варианте – это секулярное осмысление смертности и греховности. Человек, вооруженный научным знанием, оказался «не в силах» справиться с мыслью о бытии и свёл последнее к существованию. Весь мир вдруг сузился до «*Я в мире абсурда*», где *Я* – тоже целый мир, для постижения которого требуется *гид* (психоаналитик и др.), потому что для человека, сведшего *личность* к аспекту социальных качеств, одиночное путешествие по своему внутреннему миру может оказаться непосильным.

В этом смысле счастливыми могут показаться ученые–экспериментаторы, смело глядящие в свои сложные приборы, ведь там не встретить опасных коллизий взыскующей истины *души*. В оппозиции *вера – разум* душе не повезло – не все, отказавшиеся от веры мыслители смогли отказаться от души и свели представление о ней к интеллектуальным и моральным исканиям (и потребностям). Возможно от того, что первым о душе как совести с человечеством заговорил Сократ, не знавший Христа и понятия метафизики, но прозревший печать Высшего Смысла в своём учении о даймоне (может, поэтому и на смерть отправился сравнительно легко для античного человека). Со времён Сократа человек боится бессмыслия больше смерти. Но что делать, если смысл ускользает от души, забывшей о своём предназначении.

Душа для античного человека – это некая сверхчувственная субстанция, первоначально обладающая, согласно Платону, гносеологической полнотой, но утрачивающая её в момент соединения с телом (физикой). Однако тонко организованная душа способна многое «припомнить», а поскольку идеал античной мудрости – философ (а он же – и ученый в современном смысле и богослов – в античном смысле), значит душе философа многое дозволено, например гносеологический прорыв к истине.

Средневековая философия адаптировала идеи не только Аристотеля, и учение о душе, могущей непосредственно усматривать вечные несотворенные Истины (Идеи) в Свете Божественного Просвещения содержится у Августина. У Аквината же, душа соединенная с телом, лишена дара непосредственного созерцания Бога и Божественных Идеи, но путь рационального познания (как результат совместной деятельности *чувств и интеллекта*) для неё открыт. Именно в душе происходит образование чувственных образов-подобий многообразия объективного мира, от которых посредством абстрагирования интеллект создаёт универсалии (некие умопостигаемые формы) - следы творения вещей с помощью Божественных Идеи.

Августин полагал, что только человеческая душа, сотворенная Богом перед рождением человека *из ничего* – вечна, непространственна и неделима. Разум, воля и память – способности души. Подлинное счастье, доступное душе – любовь к Богу и Богопознание. Несчастливая душа скована любовью к смертному и знает всё (как ей видится), кроме Бога.

История человечества убеждает нас, что *воля* может противостоять *очевидности* знания в том случае, если сама уклоняется от Бога, а значит и от Добра, Красоты, Истины, единство которых обозначается как Мудрость.

Экзистенциальная воля в мире абсурда не сдерживаемая никакими Высшими Смыслами легко оборачивается саморазрушением, ведь человек в этом случае понимает жизнь исключительно как собственность, себя – как правообладателя, а знание и вовсе может быть сведено к изменчивому мнению по принципу произвола необузданной воли. Человек в этом случае мыслит *себя как причину* своего бытия и своего познания. Раз причина найдена, значит за логической цепочкой дело не станет.

Теодицея Шеллинга не удалась, поскольку явилась попыткой постижения Божьего замысла о мире средствами только философии. Шеллинг проиграл своему оппоненту, Гегелю, против панлогизма которого восстал. В философии кризиса классики против Гегеля восстали все – и марксисты, и иррационалисты, и психоаналитики и др. Проблема свободы воли в классической философии лишена Света Божественного Откровения, что делает саму волю неспособной направить усилия разума к Истине.

Что есть ум без мудрости? Данные понятия даже при беглом логическом рассмотрении реально неразделимы. Если невозможно представить мудрость без ума, как возможна самодостаточность ума без мудрости? Логика, как изобретение человека, так искусна, что можно – если девальвировать само понятие мудрости. Новое время закладывает основания для развития сциентизма, в котором критерием положительного знания стала выступать полезность, стремящаяся свести, в лучшем случае, к ненужности те формы знания (и

культуры), что прямым критериям полезности не отвечают (например, философию и теологию).

Христианство содержит учение о совести как проявлении Духа и внутренней мотивации человека. Добро творится человеком на путях применения свободной воли во имя личности и любви и потому является истинной свободой. Личность есть «образ Божий» в человеке, и неразрывной связи добра, истины и свободы. Наглядно добро и истина выражаются не в безличных формальных правилах, а в самой личности Иисуса Христа. Истинное познание – постижение Бога и библейских истин – стремление к мудрости (главной добродетели Античности). Но христианская *мудрость* подразумевает *смирение* (понимание и принятие сути вещей такими, какие они есть), и специфика христианского аскетизма состоит в борьбе с греховным началом, а не с самой по себе природой человека.

Макс Планк, основоположник квантовой физики, Лауреат Нобелевской премии по физике (1918), в докладе «Религия и естествознание»¹, прочитанном в мае 1937 года в Дерптском университете отметил, что только «непоколебимая вера, которую религия дарит своим приверженцам, дает наиболее мощные стимулы к творчеству, причем в области политики не меньше, чем в искусстве и науке». В случае же, если вера не крепка, размышляет ученый, встаёт вопрос *совести*, к которой так часто апеллируют атеисты, утверждая, что человек, получивший естественнонаучную подготовку, не может быть одновременно истинно религиозным человеком. Это кстати, наиболее частый аргумент и современных физиков.

«К каким результатам в области познания пришла физическая наука, включая исследования новейшего времени, и какие ограничения религиозной веры могли бы возникнуть вследствие этого?» - задаётся вопросом Макс Планк и предлагает весьма любопытные рассуждения на этот счет.

Позитивистский подход должен опираться на фундаментальное предположение о том, что всякое физическое измерение является воспроизводимым, а значит его результат не зависит от индивидуальности измеряющего, места и времени измерения (и прочих сопутствующих обстоятельств). Но из этого следует, что нечто, решающее для результатов измерения, находится за пределами наблюдателя, что необходимым образом приводит к вопросу о наличии *реальных причинных связей, не зависящих от самого наблюдателя*.

Для продвижения мысли необходим творческий поиск новых связей идей и проблем, не выводимых из одних только результатов измерений, а выходящих за их пределы, а данное положение принципиально отрицается позитивизмом. Поэтому позитивисты, утверждает ученый, не приняли атомистической теории, а с нею и универсальных констант, поскольку

---

¹ Макс Планк. Религия и естествознание // Вопросы философии. 1990. №8. - С.25-36

справедливость этих гипотез является наглядным доказательством наличия в природе реальности, не зависящей от любых человеческих измерений.

Универсальные константы не были придуманы по соображениям целесообразности - физика была вынуждена их принять как неизбежное следствие совпадения результатов всех специальных измерений, причем все будущие измерения приведут к тем же константам, - утверждает Макс Планк. А это значит, что физическая наука требует принятия допущения о существовании реального и не зависящего от нас мира, который, однако, мы не в состоянии воспринимать непосредственно, но лишь через призму наших органов чувств и опосредованных ими измерений. Если развивать обозначенное допущение, то придется изменить само восприятие мира в науке.

Элементарные кирпичики мироздания (атомы) сложены все по единому плану, во всех процессах природы царит универсальная, в определенной степени познаваемая для человека закономерность (например, принцип сохранения энергии). Так вышло, что законы природе предписывает человек (даже И. Кант благоговел перед видом звёздного неба), и потому принцип сохранения энергии может быть назван закономерностью. Проблема в том, размышляет ученый, что позитивисту благоговение чуждо, и если он и способен испытывать нечто похожее, то только от полезности.

Макс Планк приводит ещё один закон, имеющий более универсальный характер и создающий у человека впечатление, что природой правит разумная, преследующая определенную цель воля. Как известно, луч света, падающий под углом на поверхность прозрачного тела, отклоняется от своего направления, входя в это тело. Причина отклонения в том, что свет в воде распространяется медленнее, чем в воздухе. Подобное отклонение (преломление) имеет место и в атмосферном воздухе, потому что в более низких и более плотных слоях атмосферы свет распространяется медленнее, чем в более высоких. Когда луч света, исходящий от звезды, попадает в глаз наблюдателя, его траектория, за исключением того случая, когда звезда находится в зените, будет обладать более или менее сложным искривлением вследствие различия коэффициентов преломления в различных слоях атмосферы. Данное искривление можно полностью определить следующим законом: из всех траекторий, которые ведут от звезды к глазу наблюдателя, свет всегда выбирает как раз ту, для прохождения которой ему, с учетом различия скоростей распространения в различных слоях атмосферы, требуется меньше всего времени. Значит, фотоны, образующие луч света, ведут себя как разумные существа - из всех находящихся в их распоряжении кривых они выбирают всегда ту, которая быстрее всего приводит их к цели.

Открыл этот закон Лейбниц, и само открытие привело философа в неопишувемый восторг, поскольку он увидел в нём осязаемый признак проявления Высшего Разума, всемогуще

господствующего над природой. Принцип наименьшего действия, заключает М. Планк, вводит в понятие причинности совершенно новую идею: к *Causa efficiens* (причине, действие которой простирается из настоящего в будущее и представляющей более поздние состояния обусловленными более ранними) добавляется *Causa finalis*, которая, наоборот, делает будущее, т.е. цель, к которой определенно стремятся, предпосылкой тех процессов, которые приводят к этой цели.

Итак, религия и естествознание, по мысли М. Планка, сталкиваются в вопросе о существовании и сущности Высшей Власти, господствующей над миром, и ответы на это вопрошание вполне совместимы: существует разумный миропорядок, независимый от человека и сущность этого миропорядка нельзя непосредственно наблюдать (лишь косвенно познать или предположить). Далее – лишь расхождение в средствах. Религиозному человеку Бог дан непосредственно и первично, из Него, Его всемогущей воли исходит вся жизнь и все явления телесного и духовного мира. Причем непосредственному восприятию религиозным человеком Бога не мешает непознаваемость Бога средствами только разума. Для естествоиспытателя первичным является только содержание его восприятий и выводимых из них измерений. Отсюда путем индуктивного восхождения он пытается по возможности приблизиться к Богу и Его миропорядку как к высшей, вечно недостижимой цели.

Следовательно, и религия, и естествознание нуждаются в вере в Бога, при этом для религии Бог стоит в начале всякого размышления, а для естествознания - в конце. Только непосредственная связь с Богом даёт человеку внутреннюю опору и устойчивый душевный мир. Религия и естествознание дополняют и обуславливают друг друга. Глубокой религиозностью были проникнуты как раз самые великие естествоиспытатели всех времен - Кеплер, Ньютон, Лейбниц; медициной в древности занимались жрецы, а местом проведения научных исследований в Средние века стала монашеская келья и т.д. Пути науки и религии не расходятся, по утверждению М. Планка, а идут параллельно, встречаясь в бесконечности у одной и той же цели.

Остаётся только заметить, что философии в этом пути отведена весьма важная рефлексивно-интегрирующая роль, позволяющая человеку обуздать рациональный абсолютизм и принять единство разума и веры как дар Создателя.